

Лена Фуксия

Счастье

с

крыльями

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛенаФуксия

Счастье с крылышками

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48444138

SelfPub; 2022

Аннотация

Можно ли избежать своей судьбы? А изменить судьбу своей внучки, если спрятать, укрыть от нежелательной участи и наставить на «правильный» путь? Нет! Судьба найдет и будет только больше, когда жизненные обстоятельства сложатся так, что по «правильному», но не своему пути станет идти невозможно. Предательство любимого, похороны бабушки, накрывшее одиночество вынуждают Марину уехать из родного города в поисках себя. Но судьба в лице маленького мальчика найдет Марину раньше, заставит найти свою любовь, свое счастье и стать истинной парой главы драконов семьи Ингерман. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	4
2	8
3	11
4	20
5	26
6	33
7	41
8	51
9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	72

ЛенаФуксия

Счастье с крылышками

1

Микроавтобус в страну тысячи озёр отправлялся ранним утром с площади от Московского вокзала. Как ни старалась я прийти пораньше, чтобы занять удобное место, всё равно оказалась в конце очереди из пассажиров, загружавших в салон пустые сумки на колёсиках.

Мало того, возле двери в автобус, закрывая проход, стояли пожилая и молодая женщины с мальчиком лет пяти-шести. Молодая женщина, нарядно и дорого одетая, очевидно, мать ребёнка, что-то объясняла пожилой, а та только кивала в ответ. Наконец, молодая вручила пожилой пластиковую папку-кармашек, в которой виднелся паспорт и ещё какие-то документы, и со словами:

– Не волнуйтесь, вас там уже ждут! – не прощаясь с мальчиком, побежала к новенькому чёрному внедорожнику. Лёгкое урчание мотора и машина, блестя полированными боками, умчалась вдаль.

Только после этого пожилая женщина с мальчиком вошли в салон микроавтобуса. А следом за ними смогла войти я. И тут оказалось, что все места заняты, за исключением места за

водителем. То самое – к водителю задом, к людям передом: ни ноги вытянуть, ни сумку поставить.

Напротив меня разместились пожилая женщина и мальчик, а в проходе между нами уже стояла клетчатая сумка на колёсиках, которая, как оказалось, принадлежала женщине.

Правда, здесь мне чуть-чуть повезло: напротив меня сел мальчик, значит, всё-таки ноги вытянуть получится. К тому же рядом со мной место никто не занял, и я водрузила свою объёмную сумку на соседнее сиденье.

Как только отъехали, пожилая женщина произнесла, ни к кому не обращаясь:

– Ну вот и поехали. Теперь до границы добраться, а там нас встретят, обязательно встретят. – Поймав мой взгляд, женщина пояснила: – Папа у него иностранец. Я везу ребёнка к нему. После границы он нас встретит. Мне главное его через границу перевезти. Оговорено, что он нас встретит в большом магазине «Лапландия». Там есть кафе, вот в кафе он нас и встретит. Передам ребёнка с рук на руки и дело сделано! Потом ещё продукты прикуплю, чтобы дорогу оправдать. Зря, что ли, такую даль еду. – Женщина похлопала по клетчатой сумке.

Я понятиливо кивнула. Хотя на самом деле ничего я не поняла, да и не хотела я вникать в чужие проблемы, но слова женщины заставили обратить внимание на ребёнка, который сидел рядом с бабушкой. Малыш, не реагируя на происходящее вокруг, увлечённо играл в каком-то гаджете, по размеру

то ли большой смартфон, то ли маленький планшет.

Мальчик симпатичный: волнистые тёмно-русые волосы до плеч, большие тёмно-серые глаза, длинные ресницы, выглядит плотным крепышом, но не толстым, как большинство современных детишек. Одет в модный джинсовый костюмчик на толстовку, капюшон которой аккуратно расправлен на воротнике курточки, на коленях вместительный рюкзачок – всё чистенько и опрятненько, как на обложке глянцевого журнала, эдакий милый подросток карапуз. Я непроизвольно улыбнулась.

Пожилая женщина, уловив мой взгляд на мальчика, сразу пояснила:

– Я ему не бабушка. И вообще мы не родственники. Я просто соседка. Живём в разных парадных. Маринку и её мать знаю уже давно, как в дом заселились. Просто у меня есть финская виза, поэтому Маринка и попросила меня отвезти мальчика к отцу. Отец хочет лето провести с ребёнком, а Маринке ещё визу делать. Маринка мне и говорит: «Тётя Лида, отвезите. Я лучше вам заплачу три тысячи, чем отдавать пять за оформление визы, страховки и так далее. А отвезти нужно обязательно до первого июня, до его дня рождения, чтобы день рождения он уже с отцом отмечал». А я не против, три тысячи – это треть моей пенсии. Ну и дорогу она оплатила в оба конца, само собой.

Женщина замолчала на некоторое время, но вскоре продолжила:

– У Маринки мать в этом году умерла, царствие ей небесное, хорошая была женщина. А Маринка несерьёзная, ей с ребёнком сидеть некогда. Да она им и не занималась никогда – всё время мать с мальчишкой возилась. Бабка материю этому ребёнку была, а Маринка, так – вертихвостка! – Женщина наклонилась ко мне, придавая разговору приватность, но всё равно получилось громко. – Хотя от папки-то ребёнка они много поимели. До рождения мальчика жили бедненько, а как родила, так и ремонт в квартире сделали хороший, и машину Маринка купила, и одеваться стала – шуба не шуба, пальто не пальто, модели обзавидуются. Сейчас вот опять машину обновила. Видели, на какой она была? Мерседес! Едешь – дороги не чувствуешь!

Мне её рассказ не нравился. Уж больно неодобрительно она отзывалась о матери ребёнка в его присутствии, да ещё и рассказывая об этом посторонним людям. Но женщина не унималась:

– Вот ведь как, мужик, видать, хороший, а такой оторве попался. Финн этот. От ребёнка не отказывается и помогает им всё время, а Маринку замуж не берёт. И правильно! – Женщина многозначительно поджала губы.

Меня раздражал этот монолог. Я достала журнал и сделала вид, что читаю. Тётя Лида легко оставила меня в покое.

Мелодично звякнул гаджет, информируя о поступлении сообщения. Мужчина, увлечённый чтением в ноутбуке, не придавал этому значения.

Спустя пару минут гаджет разорвал тишину кабинета маршем Дарта Вейдера, отрывая мужчину от ноутбука и заставляя перевести взгляд на экран установленного на подставке смартфона. Увидев имя звонившего, мужчина поспешно принял вызов.

– Вы уже выехали? – размерено спросил он по-английски, но заметно, как трясутся его длинные пальцы и с каким трудом ему удаётся сдерживать волнение.

– Хей-хей! Валот выехал. – Ответил ему по-английски излишне весёлый женский голос. – Белый мини-бас Мерседес «Санкт-Петербург – Иматра». Номер я только что отправила тебе в сообщении.

– Что значит Валот выехал? При чём тут белый мини-бас? Ты посмела отправить его одного?! – закричал мужчина в трубку.

– Тише, тише! Валот поехал с подругой моей мамы. Он эту женщину хорошо знает. Ты не нервничай, а встречай их через четыре часа в кафе магазина «Лапландия», который сразу возле границы. – Произнесла женщина, старательно выговаривая английские слова. – Всё будет хорошо! – Про-

пела она в трубку.

– Теперь точно, когда ты навсегда исчезнешь из нашей жизни! Надеюсь, я больше никогда тебя не увижу, – прорычал мужчина. В глазах костры, комната наполнилась дымом.

– Ха-ха-ха, – женщина ответила излишне непринуждённым смехом. – Не так резко, дорогой! В сентябре вернёшь мне Валота как миленький! Иначе получишь решение российского суда об оставлении ребёнка со мной и узнаешь всю мощь финской машины Ювенальной юстиции, кажется, она называется Ластенсуёлу. – Женщина старательно выговорила слово по-фински, снова хихикнула и отключилась.

– Су-ука-а-а! Дрянь! – заорал мужчина по-русски, вскочил из-за стола и запустил гаджет в стеклянную панорамную стену кабинета.

Стена выдержала, гаджет разлетелся на половинки.

На его крик из соседней комнаты, толкая друг друга в дверях, вбежали два высоких парня.

– Что случилось? Что-то с Валотом? – хором крикнули они по-фински, глядя на мужчину, сотрясаемого в конвульсиях, который стоял, опершись руками на стеклянный письменный стол.

Мужчина, с трудом сдерживая себя, поднял на вбежавших лицо, искажённое жуткой нечеловеческой гримасой, с усилием втянул выпустившие челюсти и произнёс по-фински:

– Эта тварь отправила Валота с посторонним человеком на микроавтобусе! Через четыре часа мы сможем забрать

его в кафе при «Лапландии». А ещё она посмела угрожать мне ювенальной юстицией! – Тело мужчины снова содрогнулось в конвульсии. Он опять с большим усилием сдержал себя, оставив когтями бороздки на стеклянной столешнице. – Парни, вы в кафе. Я подъеду чуть позже. Не могу! Мне нужно успокоиться. – Он решительно вышел из кабинета через противоположную дверь.

Парни переглянулись и энергично кивнули друг другу, при этом у обоих эффектно взметнулись длинные светлые косы. Не говоря ни слова, они быстро вышли из кабинета.

Мужчина по внутренней лестнице поднялся на самый верх башни и вышел на балкон, нависающий над речным обрывом. Задумчиво оглядел зеленеющий лес за речкой. Встал на перила балкона, глубоко вдохнув, резко оттолкнулся и прыгнул, выбрасывая тело вперёд и раскрывая руки.

Миг и два огромных золотистых крыла подхватили его, загасили падение и понесли в ясное весеннее небо, с каждым взмахом набирая высоту и скорость.

Взмах, взмах, ещё и ещё. Выше, выше и выше. Набрав высоту, достаточную, чтобы с земли его принимали за птицу, золотистый дракон поймал плотный восходящий воздушный поток, расправил крылья и воспарил, мысленно обращаясь к ветру:

«Друг ветер, вынеси из моей груди злость и раздражение! Главное, что мой мальчик уже едет ко мне, и мы будем вместе! Я больше не позволю ей собой манипулировать!»

Когда микроавтобус вырулил из города на трассу, я почувствовала, как вязкий, липкий пузырь, в котором я жила несколько последних лет, истончается, отпуская.

Мне давно уже хотелось вырваться, отлепиться, но как муха, попавшая на липкую ленту, отклеивая одну лапку, тут же приклеивалась двумя другими.

Этот клейкий мир был таким удобным и уютным: всезнающая и заботливая бабушка, учёба, замужество, работа. В этом мире были необходимый достаток, комфорт, забота и даже любовь, но стоило мне слегка отстраниться от него, наваливалось ощущение, что это не моя жизнь.

Мама умерла, когда я окончила школу, и мы остались с бабушкой вдвоем. Бабушка у меня была бодрая старушенция, на всё у нее хватало сил и времени. Биолог-фармацевт по образованию, она с научной точки зрения изучила древнее умение травницы. В результате на основе сибирских трав составила несколько микстур, которые успешно продавались в советское время в аптеках, а бабушка получила несколько патентов на использование определенных компонентов лекарственных растений. Не остановившись на этом, бабуля защитила докторскую диссертацию на тему лекарственных свойств сибирских растений и всячески пропагандировала их целительную силу.

Неудивительно, что каждую весну бабуля уезжала в Сибирь – на Енисей и возвращалась только поздней осенью. Каждый раз она звала меня с собой, но я всегда находила повод, чтобы остаться в Питере. А ещё она с лукавой улыбкой утверждала, что самые лучшие мужчины живут на Енисее.

Бабуля очень хотела, чтобы я стала травницей. И можно сказать, я пошла по ее стопам, тоже став фармацевтом. Правда, целительная сила растений меня совсем не увлекала. Мне ещё со школы нравилось соединять химические элементы. Поступив на химфак, я почувствовала себя как рыба в воде. Первые два курса до сих пор вспоминаю как попадание в сказку. Формулы, колбочки, реактивы, лабораторные! Здесь уже не школьная лаборатория, здесь уже всё по-взрослому! Как мне всё это нравилось! Я была по-настоящему во всё это влюблена.

До тех пор пока в конце второго курса не встретила своего будущего мужа Михаила, который занял первое место в моем списке предпочтений. Высокий, статный, пшеничные кудри до плеч – реальное воплощение Максима Кáммерера, главного героя российского фильма «Обитаемый остров»¹. Он был с факультета менеджмента и на два курса старше. По нему сохли девчонки с ... Да, собственно, все девчонки, которые попадали на его орбиту.

А он попал на мою орбиту. Когда этот красавец пришел

¹ Роль Максима Кáммерера в российском фильме «Обитаемый остров» сыграл актер Василий Степанов.

в лабораторию в поисках профессора, чтобы сдать хвост по какой-то химической дисциплине, все присутствующие девушки выронили пробирки из рук. В тот раз хвост он не сдал, зато профессор Чижев посоветовал ему меня в качестве репетитора. Посоветовал в шутку, а получилось, что познакомил. И так у нас все закрутилось, что через год мы поженились. А профессора Чижева пригласили на свадьбу как почетного гостя.

Нет, не подумайте, что красавец-муж был бабником или повесой. К всеобщему удивлению, постоянно притягивая к себе женское внимание, он совершенно его не замечал.

Мы с ним по-настоящему увлеклись друг другом и по-настоящему друг друга полюбили.

Кроме обучения в одном вузе, у нас оказалось много совместных интересов. Совместные пешие, велосипедные походы и сплав по рекам. Потом мы увлеклись реконструкциями по славянским мифам и русской историей.

На фоне всего этого незаметно для себя закончили вуз.

Миша, закончив специалитет на два года раньше меня, устроился на работу в известную фармацевтическую фирму. Через год его назначили руководителем подразделения, через два года ему поручили организацию аптечной сети от компании, через пять лет после окончания вуза он уже был генеральным директором аптечной сети.

Как понимаете, наше финансовое состояние было более чем стабильным. Не подгоняемая необходимостью зарабаты-

вать деньги, я защитила бакалавра по биохимии, потом магистра. И даже поступила в аспирантуру, но к этому моменту моя любовь к химии и биохимии уже сошла на нет. Я не понимала прикладного назначения той работы, на тему которой защитила бакалавра и магистра. Склоки на кафедре «кто кого умнее» меня не вдохновляли на дальнейшее обучение. Я проучилась учебный год в аспирантуре, сдала несколько кандидатских экзаменов и прекратила обучение. Просто не пошла на занятия в сентябре...

Бедка пришла, откуда не ждали, хотя первый звоночек прозвенел, когда я ещё училась в магистратуре. В ходе очередного семейного застолья мама Миши, мечтательно закатив глаза, спросила:

– Когда же, вы ребята, порадуете нас внуками? Сколько можно по походам да по музеям ходить? Давайте, пока мы ещё не старые и можем вам помочь.

В тот раз весь разговор перешел в шутку. Но когда шутка повторяется на каждом застолье, а потом и не только на застолье... Короче, тема «хотим ребенка» стала навязчивой со стороны родителей мужа, а вернее, его мамы. Пока я училась, вроде был повод потянуть с рождением детей, но когда учиться я закончила, а работать не начала, вопрос о ребенке стал актуальным.

Мы не были чайлд-фри и даже перестали предохраняться после того, как у Миши карьера пошла в гору, но беременность не наступала.

Я пошла к врачу. После осмотров и обследований врач вынесла вердикт: «Первичное бесплодие». Диагноз повторили в нескольких клиниках.

«Как же так? – спрашивала я. – У меня же цикл, месячные... Почему?»

Разные клиники называли разные причины. Кто-то видел причину в спайках труб, кто-то в недоразвитых яичниках и матке. В последней клинике сказали, что, возможно, причина в нарушении гормонального фона, и предложили пройти исследование в этом направлении.

Опечаленная очередным диагнозом, придя домой, я всё рассказала Мише.

– Маришка, ну и ладно, живут же люди без детей. Ты меня любишь, я люблю тебя – будем жить друг для друга! – Он сказал это так весело и спокойно, что я закрыла для себя проблему бесплодия раз и навсегда. – Поехали в июле на Соловки!

На Соловки мы в тот год съездили и замечательно провели время, исследуя лабиринты, мегалиты и скалы.

«Жить друг для друга» у нас хватило ровно на год.

Через год я смотрела на такие любимые и родные черты и не понимала, о чём он говорит. Какой ребёнок? Кто беременный? Почему?

– Мариш, понимаешь, так вышло... – говорил Миша, разглядывая свои тапочки.

Нет, я не понимала. Вообще. Он же меня любил! Я любила

его. Мы были как одно целое... Или мне это только казалось?

– Ты её любишь? — для чего-то спросила пересохшими губами.

– Кого? – Миша удивленно посмотрел на меня.

– Женщину, беременную твоим ребенком.

– Марин, я тебя люблю, – взгляд почти собачий, – но с ней я поступил непорядочно, воспользовался своим служебным положением...

– Звучит ужасно, как будто я держала тебя на голодном пайке...

– Марин, я сам не могу объяснить, как это вышло. Это было один-единственный раз. Тот корпоратив. Я сам не понимаю...

Я собрала вещи и переехала к бабушке.

Мир, в котором я любила и была любима, взорвался.

Я лежала на диване, завернувшись в плед, и даже не ревели. Бабушка была на Енисее, зато несколько раз приходила свекровь и уговаривала побыстрее развестись:

– Там же будет ребеночек, на большом сроке делать свадьбу неприлично...

– А сделать ребенка на стороне – это прилично? Скажите, почему Миша говорил, что любит меня, а спал с секретаршей?

– Потому что мужику нужна семья.

– Я же была его семьей, мы прожили вместе почти семь лет.

– Ну, Марина, видимо, ему не хватало теплоты, – выкручивалась свекровь. – Ты же такая холодная. Дом без детей холодный. Нужны дети. Дети согревают! А ты пустая!

Вот так... Я холодная... Я пустая... Значит мне только казалось, что любимому хорошо со мной...

Мы с Мишей пошли в ЗАГС и развелись.

Выйдя из ЗАГСа, Мишка обхватил меня и прижал к себе. Осень, холодный дождь и даже, кажется, снег.

– Прости! Я люблю только тебя.

– Тебе не кажется, что эти слова сейчас неуместны? Мы с тобой более семи лет вместе, ты говорил, что будем жить друг для друга. А теперь ты уходишь к человеку, который ещё даже не родился... В отношении него ты хочешь быть порядочным, а в отношении меня – не обязательно?

Я вывернулась из его объятий и побрела к остановке.

Дома дверь открыла бабушка. Наконец-то она вернулась со своего Енисея и как всегда без предупреждения.

– Ты ушла от Миши? – Бабушка смотрит на меня с удивлением и печалью.

Впервые за два месяца меня прорвало. Я рыдала несколько часов. Бабушка заварила травки и отпаивала меня.

– Дурочка, ну почему ты мне не сказала, что тебе поставили этот ужасный диагноз? У вас с Мишей по судьбе должна была быть девочка. Я же видела... – Бабушка обняла меня и принялась нежно укачивать.

– Бабуля, ну о чем ты? Я была в нескольких клиниках!

Какая девочка?

– Ой, ну нашла, кого слушать. Почему ты меня, свою родную бабушку, ведьму старую, не слушаешь, а каким-то незнакомым докторам доверяешь? Ты знаешь, что мне врачи говорили, что никогда не рожу. А маме твоей вообще говорили, что яичники недоразвитые. И что? Я родила дочку и дочка дочку. И ты бы забеременела. Эх ты! Я так надеялась, что раз ты вышла замуж за человека, то избежишь драконьей судьбы... – Бабушка смотрела куда-то внутрь себя. – Жалко, очень жалко. Ну почему ты мне не сообщила о том, что собралась разводиться с Мишей? Я бы пораньше приехала, может, можно было бы вас помирить...

– Бабуль, как ты собралась нас мирить, если он мне изменил? – Я противно заскулила. – Ты же знаешь, изменил однажды – изменит дважды. Он не просто изменил, он меня предал! Сказал, что будем жить друг для друга, а сам! — Я всхлипнула и заскулила, как потерявшийся щенок.

Бабушка сварила в турке крепкий кофе и разлила по чашечкам. После того как бодрящий напиток был выпит, она долго крутила мою чашку в руках:

– Плохо всё... Плохо! Вашу судьбу разрушила глупая женщина. Воспитывать ей за это чужого внука. Из твоей чашки не видно, была измена или нет, но то, что две завистливые женщины вокруг тебя крутились, это видно. Она думает, что, избавившись от тебя, её сын станет богаче и счастливей. Увы, она скоро поймет, что нищету в дом привела. Ты была

удачей Михаила, а мать собственноручно лишила его благословения Фортуны.

Мы с бабулей ещё долго сидели в обнимку, я постепенно успокаивалась.

– А настойки я тебе всё же сделаю. Имей в виду, правнучку ты мне родить должна!

Началась моя новая – унылая – жизнь.

Мои контакты с бывшими однокурсниками резко оборвались, потому что я устала рассказывать о причинах развода с Мишей и выслушивать сочувственные вздохи. После нескольких отказов от общих встреч меня перестали зазывать на общие вечеринки, а сама я не искала встреч со старыми знакомыми.

Неожиданно возникли финансовые ограничения. На те средства, которые у нас с бабушкой были, я не могла себе позволить обедать в кафе и ресторанах, ездить, когда захочу и куда захочу.

У нас с бабулей было несколько постоянных источников дохода: мы сдавали двушку, оставшуюся в наследство после смерти мамы, бабушкина пенсия и её же доходы от научной деятельности.

Мамина двушка небольшая и в спальном районе, поэтому плата за неё была невелика. Пенсия у бабушки средняя, а доходы от научной деятельности нерегулярные и тоже небольшие. Короче, наши доходы были совершенно несопоставимы с зарплатой генерального директора аптечной сети.

Я не разделяла бабушкиного оптимизма, что у нас вполне достаточный доход, раз мы с голоду не умираем. Поэтому, как только поменяла паспорт на девичью фамилию, приня-

лась искать работу.

Работа нашлась быстро. С устройством помогла моя однокурсница, которую в своё время по моей протекции приняли в аптечную сеть мужа. Так я оказалась работницей аптечной сети, генеральным директором которой был Михаил. Из-за того, что фамилия у меня была теперь девичья и работала я в аптеке, отдаленной от главного офиса, то долгое время ни Михаил, ни его новая супруга не знали обо мне. Зато я была информирована о личной жизни бывшего мужа намного лучше, чем он сам.

В женском коллективе о красавце-шефе говорили даже больше, чем о вечерних сериалах. В филиале знали, что Ольга, новая жена и бывшая секретарша, – протеже его мамашки. Она привезла Ольку со своей малой родины и наверняка научила, как поступить с Мишкой. «Мишка же, он свою жену любил, на других не смотрел» – рассказывали мне сотрудницы, посвящая меня, как новенькую, в предыдущие серии этой мыльной оперы.

К своему удивлению, я слушала все эти сплетни, но отклика во мне они не находили, как будто это не о моём Мише рассказывают, а о заморском Бреде Пите.

В ожидаемый срок у Михаила родился сын. Всем коллективом сбрасывались на подарок, я тоже сдала двести рублей.

Через полгода после нашего развода, после проверок и отчетов учредители решили частично сократить нашу аптечную сеть.

В первую волну сокращений меня перевели из аптеки, которая была рядом с домом, провизором в аптеку центрального офиса. Я попробовала попроситься в другое место, но в другие филиалы было добираться вообще неудобно.

Михаила и его супругу я по-прежнему не видела, потому что работа провизором предполагала разъезды и непосредственно с начальством не пересекалась.

Однажды, вернувшись со склада раньше обычного и выходя из фургончика с партией лекарств, заметила у крыльца женщину с модной детской коляской. Я никогда раньше не видела свою соперницу, но в броско одетой крашеной блондинке со светлыми глазами сразу её опознала. Непроизвольно заглянула в коляску. Пухлый темноволосый и темноглазый мальчик высовывался из-за капюшона коляски и с любопытством смотрел на прохожих.

Интересно, как Оля объяснила Михаилу, почему у малыша темные глаза...

Оля скользнула по мне взглядом, и мне показалось, что она узнала меня.

Она точно меня узнала – это подтвердилось, когда на следующий день меня вызвали в кадры и предложили написать заявление по собственному желанию. На моё удивление кадровичка сообщила:

– Ольга Николаевна лично просила, – многозначительный взгляд поверх оправы очков, и через паузу: – Есть куда перейти?

Я вздохнула и отрицательно замотала головой.

– Давай так, заявление принесешь завтра, а уволишься, когда работу найдешь. Мне тоже совершенно не хочется хорошего сотрудника отпускать.

Называется «спасибо на добром слове».

На следующий день, когда я пришла в кадры с заявлением на увольнение, та же кадровичка от меня только отмахнулась:

– Марина, власть поменялась. С сегодняшнего дня мы вошли в другую аптечную сеть, так что руководство у нас теперь новое и указания жён предыдущего начальства нам теперь по барабану! Идите, работайте!

– А куда же теперь Михаил?

– Да кто ж знает? Нам бы самим на улице не оказаться. Говорят, руководству об этом объявили вчера в десять вечера. Вот сию оформляю приказы на расторжение трудовых договоров по соглашению сторон.

Через полгода эта же кадровичка выдала мне уведомление о сокращении моей должности. Аптечная сеть, принявшая нас полгода назад, нуждалась в помещениях, но не в работниках.

Так я оказалась безработной и вступила на следующий виток своей карьеры: безработная на учете в службе занятости.

В этом году весна не спешила на смену зиме. В конце марта еще лежали глубокие сугробы, а по ночам трещали моро-

зы.

Бабуля задумчиво любовалась метелью за окном и вдруг произнесла:

– Пора мне уходить.

– Может быть, уезжать? По такой погоде до Енисея не дойдешь! – пошутила я.

Бабушка обернулась и спокойно сказала, глядя сквозь стекла очков:

– Мариша, мой срок заканчивается. Все, что могла, я для тебя сделала, дальше тебе самой со своей жизнью разбираться. Пришло время рассказать тебе, что мы особые женщины.

– Бабуль, перестань, ты меня пугаешь. Ты еще пятьдесят лет проживешь! В чем особенность-то? Сейчас опять скажешь, что ведьмы.

– И ведьмы тоже. – Бабушка одарила суровым взглядом. – Девочка, не перебивай. А проживу я дольше, но уже не в этом теле. – Бабушка многозначительно замолчала, видимо, ожидая моих комментариев, но их не последовало. – Мы особые женщины, потому что наши тела могут служить вместилищем для богинь. Через наши тела богини являют себя миру и могут решать свои дела. Отсюда наши способности.

– Способности травницы у тебя поэтому?

– Да, это от Макоши и Лады.

Я вспомнила наше с Мишей увлечение неоязычеством и реконструкцией славянских мифов, бабушка тогда давала дельные советы. Думала, сейчас она будет рассказывать еще

какие-нибудь мифы, но она замолчала, и больше к этому разговору мы не возвращались.

Микроавтобус катился по дороге, неспящие пассажиры как могли и чем могли развлекали себя. Я уже просмотрела журнал от корки до корки и не представляла чем бы ещё заняться.

Женщина, перестав рассказывать мне историю жизни непутёвой Маринки, быстро задремала и сопела, уткнув подбородок в пышную грудь. У мальчика сдох гаджет. Он несколько раз попытался его включить-выключить, но это не помогло. Он печально вздохнул и стал смотреть в окно.

Ехать было еще далеко, и я предложила ему поиграть в игру «считаем машины». Я считаю синие, а он красные, и у кого будет больше, когда мы доедем до заправки с ресторанчиком «Пицца», тот победитель. Мальчишка, оказалось, хорошо считал, я, к своему стыду, несколько раз сбилась, пришлось сдать раньше.

– Что ты читаешь? – спросил мальчик, показывая на мой журнал, с обложки которого на нас смотрело женское лицо с макияжем снежной королевы: ресницы – белые стрелы, волосы темные, но с бело-голубыми прядками, огромные льди-сто-голубые глаза, а на голове как бы ледяная корона со всполохами северного сияния.

– Журнал, здесь разные статьи.

– А эта тётя кто? – Мальчик показал на фотографию на

обложке. – На тебя похожа.

– Это славянская богиня Мара-Марена, Марена Сварогвна. – Я улыбнулась его сравнению обложки со мной. – Она богиня зимы. Ей подчиняются снега, морозы, северные ветры, вода, лед, а также она богиня жатвы и плодородия. – Про то, что Мара еще и богиня светлой смерти, я малышу говорить не стала.

– Она добрая?

– С древними богами всё не так просто... Но у славян она была в пантеоне Ясуней – светлых богов, дочь верховного бога Сварога, считалась богиней справедливости и правосудия. Кстати, у финнов. Ты же знаешь, куда мы едем? – Мальчик понимающе кивнул. – Так вот, у финнов есть в мифологии Ледяная дева, скорее всего, тоже богиня с такими же характеристиками, как Мара у славян.

Мальчик снова кивнул.

– Почитай про неё, – попросил он.

Я раскрыла журнал на статье про Мару. Показала малышу фотографии и картинки разворота журнала и начала читать легенду, удивительно похожую на сказку про Кощея и Василису – премудрую, но с некоторыми фактическими изменениями. Мара вышла замуж за Кощея, обменяв свою свободу на жизни трех небесных дев и трех Ирийских богатырей. Однако в итоге Мара обманула Кощея², она сковала древнего

² Кашей или Кощей – оба написания верны. Но Кашей чах над золотом у Пушкина в «Руслан и Людмила», и в названии советского фильма-сказки Александра

мага чародейскими цепями в казематах его же собственного дворца.

Легенда настолько увлекла меня, что я не сразу заметила, что мой слушатель стал клевать носом. Наконец, его головка опустилась на грудь, а он привалился к боку сопровождающей его женщины. Тётя Лида, непривыкшая к такому тесному общению, инстинктивно, не просыпаясь, отпихнула его от себя. Головенка малыша отлетела к окну. Мальчик стукнулся о стекло, болезненно сморщился, но не проснулся.

У меня сжалось сердце и защипало в глазах.

Какая-то кукушка бросила своего ребёнка на постороннюю женщину, ей он не нужен, а она смогла родить... А я так хочу ребёнка, но его у меня никогда не будет... Я бы была самой счастливой женщиной на свете, если у меня был бы такой сын или дочь... Почему так несправедливо? Чтобы не разрыдаться, я уткнулась в статью про Мару и, глядя на ее изображение, повторила: «Где справедливость, богиня справедливости?»

Микроавтобус набрал хорошую скорость, и за окном мелькали высокие ели. Я посмотрела на мальчика и вспомнила о том, что справедливость – понятие относительное. Индуистские боги во имя справедливости разрушают царства и миры. Так что моя неспособность иметь дитя и неудача мальчика с матерью – это просто песчинки в море...

В этот момент я услышала визг тормозов. Меня сначала

бросило на мальчика, а потом его в мои объятия, и мы вместе упали на пол. От следующего толчка нас занесло под сиденья за водителем, за нами полетели какие-то вещи, сумка с колесиками тёти Лиды, но в этот момент я почувствовала резкую боль в голове. И оказалась в полной темноте.

Бабушка ушла быстро – за неделю. Всю неделю мы с ней разговаривали. Вернее, бабуля мне рассказывала о травах, деревьях, ветрах, погоде. Передала мне свой рабочий архив и попросила не выбрасывать, а сохранить, потому что если мне не понадобится, то внучке точно пригодится. Среди архива была стопка старых то ли тетрадей, то ли книг разной степени истертости, перевязанных одной бечевкой – бабушка назвала их родовыми книгами женщин нашего рода и посоветовала мне тоже завести тетрадь и записывать туда всё необычное, что со мной произошло.

С каждым днем бабушка как-то бледнела и истончалась. Она почти перестала есть, соглашалась выпить чаю, продолжая рассказывать мне за столом о каких-то растениях и времени их сбора. Я мерила ей давление – давление было пониженным, но в пределах нормы. Я заставляла ее есть, но после нескольких кусочков, она говорила, что наелась.

Примерно на второй день я уже была не в состоянии воспринимать то, что бабушка говорит. Поэтому с радостью сбегала от нее в центр занятости и на собеседования, но каждый раз, возвращаясь домой, снова попадала в кокон бабуш-

киных рассказов. В какой-то момент поняла, что слушаю её как внешний звук, не вникая в смысл.

– Бабуля, я практически не воспринимаю то, что ты мне говоришь, – призналась ей с раздражением.

– Это не страшно, когда понадобится – вспомнишь. Главное, что ты это слышишь.

– Бабуль, а мама вела дневник? – спросила я, стараясь уйти от этого бесконечного монолога.

– Нет, увы! Не успела. Это беда всех истинных пар. Твой отец погиб неожиданно, сердце твоей матери перестало биться через несколько дней.

– Подожди, как через несколько дней? Папа же умер, когда я была совсем маленькой?

– Это для нашего мира он умер, когда ты была маленькой. Он больше не мог приходить сюда, пришлось сказать тебе, что папа умер. – Бабушка смотрела на меня разумным не затуманенным взглядом. – Памятник я им потом общий сделала, чтобы тебе было куда приходить и вспоминать их, – и без переходов: – Меня сожги и рядом с дочерью похорони, чтобы тебе удобней было нас всех навещать.

И снова рассказы о погоде и природе.

Через неделю рассказов бабушка сосредоточила на мне свой взгляд и сказала:

– Я умру, ты поезжай...

Поскольку она говорила медленно, я успела вернуть:

– На Енисей!

Бабушке шутка не понравилась, она нахмурилась:

– В Финляндию. Твоя драконья судьба там. Надеюсь, тебе удастся разобраться со своей жизнью. Женщины в нашем роду всегда с этим справлялись, – немного помедлив, добавила: – Ничего не бойся, мы всегда с тобой.

И снова о погоде и времени сбора трав. И так же монотонно, практически в одном предложении со временем сбора полыни:

– Прости меня, деточка, непосильное дело я затеяла и не справилась. Хотя сейчас я думаю, что мы не властны понимать, в чем судьба наших близких и не должны в это вмешиваться. Я вмешалась. Поэтому ты страдаешь. Наверное, нужно было тебе ехать сразу в Финляндию после школы, встретила бы там свою судьбу, стали бы истинной парой. Им многое дано, и они точно счастливы... Почему я решила, что умнее Богини?

Бабуля умолкла, как мне показалось, не закончив мысль. Как я ни пыталась ее разговорить, она уже ничего не отвечала.

Этой ночью бабуля ушла. Именно ушла, поскольку то, что от неё осталось, моё сознание как бабушку отказалось воспринимать. Когда я утром вошла в её комнату, то обнаружила на кровати большую фарфоровую куклу с улыбкой и открытыми голубыми глазами. Умиротворение застыло на её лице, казалось, что в последний миг она испытала счастье. В комнате было неожиданно холодно, а на окнах лежал тол-

стый слой инея.

Кукольное тельце кремировали. Нарядную урночку с прахом бабушки я в присутствии её старых коллег с кафедры подхоронила в могилу родителей. На могильной плите появилась новая надпись: «Ивушкина Дарья Егоровна, годы жизни», и портрет бабули.

Только отметив сороковины по бабушке, я почувствовала одиночество и пустоту в квартире. Одиночество заставило меня вспомнить слова бабули о том, что мне нужно ехать в Финляндию.

Собралась я быстро. Вывезла наши вещи и архивы бабушки на дачу. В отношении квартир заключила договоры с агентством, которое будет сдавать их в течение полугода. Сняла небольшой коттедж на берегу Сайменского озера и отправилась искать свою драконью судьбу в Финляндию, как советовала бабуля.

Вокруг темнота. И полная, оглушительная тишина. Ни звука, ни лучика света. Поднялась, пыталась ощупать окружающее пространство, чтобы понять, где я. Но мои руки ни до чего не дотянулись – кругом пустота. И рук я тоже не почувствовала... Что со мной? Вдруг впереди вспыхнула искорка, которая на глазах стала увеличиваться, принимая вид яркого прожектора. В луче прожектора пространство изменилось, превратившись в тоннель, тянущийся до самого источника света. Я устремилась по тоннелю на свет, по-прежнему не ощущая ни рук, ни ног.

Сколько я так прошла, не знаю, но сбоку слышались голоса. Громкий женский голос произнёс с властными интонациями: «Ей рано. Она мне нужна живой!»

Тотчас передо мной появилась бабушка, заполняя собой всю зону видимости.

– Мариночка, всё хорошо! Мы с тобой! У тебя всё в порядке, – произнесла бабуля, делая ударение на слове «всё». – Ступай назад и за мальчиком присмотри. Вы сейчас нужны друг другу.

От её появления и слов мне стало легко и тепло.

– Бабуля, ты жива! – потянулась, чтобы обнять её и открыла глаза.

Мы с малышом оказались буквально втрамбованными под сиденья за водителем, причём я с внешней стороны, заслоняя мальчика собой.

Отодвинула клетчатую сумку, выбралась из-под сидений и встала на ноги. Малыш вылез следом. Микроавтобус стоял на колёсах, все стёкла выбиты. Осмотрелась, в салоне кроме нас никого. От осознания случившегося, по спине пробежали мурашки.

Подхватив клетчатую сумку тёти Лиды и свои вещи, я поспешила покинуть автобус, за мной выскочил мальчик.

Зрелище вокруг было жутким. Похоже, наш транспорт, пробив ограждение, кувырком скатился с дорожной насыпи, потому что по ходу его спуска снят травяной покров, валяются вещи пассажиров и сами пассажиры. Сверху на дороге, слегка задев ограждение, стояла фура с вывернутой кабиной.

Прижала лицо мальчика к себе:

– Не смотри!

– Не буду. Мне страшно... – прошептал он.

Достала телефон и вызвала полицию и скорую. Сама с мальчиком и сумками отошла чуть поодаль. Усадила его на поваленное дерево спиной к месту трагедии.

– Посиди, я поищу тётю Лиду.

Вернулась к автобусу, обошла вокруг. Смотреть страшно: всюду разбросанные вещи, тела людей с неестественно вывернутыми головами и конечностями. Тело тёти Лиды нашла практически на обочине, похоже, она вылетела сразу

при столкновении микроавтобуса с фурой.

К месту происшествия уже подъезжали машины полиции и скорой помощи. Я поспешила к малышу, потому что полицейские и так всё видят, а его одного в такой обстановке оставлять нельзя.

Мальчик обхватил меня руками и снова уткнулся лицом в живот. Прижала к себе и погладила по головёнке. Практически на автопилоте открыла сумку тёти Лиды и вынула оттуда папку-уголок, убедившись, что там паспорт мальчика и его свидетельство о рождении, переложила папку к себе в рюкзак.

Через некоторое время к нам подошёл полицейский. Расспросил, как мы и сколько человек было в машине.

– Точно не скажу, но салон был заполнен практически полностью. Свободным было только место рядом со мной, а я сидела за водителем.

Полицейский кивнул и попросил подождать ещё некоторое время, чтобы мои показания записали.

Чуть позже к нам подошёл доктор. Осмотрел меня и мальчика. У меня, кроме огромной шишки на голове и разорванных колготок, повреждений не было. Мальчик вообще был цел.

– Вам повезло! – сказал доктор. – Кроме вас в живых ещё три человека, но они с травмами. Доберётесь до дома – приложите лёд к шишке.

Впрочем, пакет со льдом он тотчас же выдал мне из ап-

течки и помог приложить к больному месту. Мы с малышом усадились на поваленное дерево.

– Ты нашла тётю Лиду?

– Она разбилась. Похоже, её выбросило из окна при столкновении, – сама ужаснулась сказанному, но как вышло. Не умею я разговаривать с маленькими.

– Теперь ты будешь моей мамой? – неожиданно по-деловому спросил мальчик, не выразив эмоций по поводу гибели женщины.

– Почему ты так решил? У тебя же есть мама.

– Она сказала о ней не вспоминать и не называть её мамой. – Он помолчал и добавил: – Бабушка умерла, тётя Лида тоже, кто-то же должен быть моей мамой.

– Как тебя зовут?

– Светослав, – произнёс он с достоинством и протянул мне руку.

– Приятно познакомиться. Марина. – Пожала пухлую ручонку. – Светик, давай договоримся, что я буду о тебе заботиться, пока не передам папе. – К моему удивлению, мальчик согласился с сокращением его имени до Светика. – Папа же у тебя есть. Он хочет тебя увидеть и ждёт тебя на границе.

– А если он меня там не ждёт? — Глазёнки подернулись влагой.

Я обняла его:

– Как такого замечательно ребёнка может не ждать папа? Обязательно ждёт!

– Тётя Лида говорила, что с неё (он не назвал свою мать по имени и не сказал «мама») станется просто переправить меня через границу, а там никто не встретит. Она не знала, что делать в этом случае.

– Я не тётя Лида, в такую чепуху не верю. Будем решать вопросы по мере возникновения! Будем выбираться? У тебя были какие-то вещи?

– Да, в рюкзаке.

– Пошли искать рюкзак, – бодро вскочила с поваленного дерева и потянула за собой ребёнка.

Пришлось снова вернуться к разбитому автобусу, но в этот раз был не так жутко, потому что вокруг сустились люди в форменной одежде: медики, полицейские, спасатели. Погибших уже сложили в чёрные пакеты и принялись переносить на обочину к машинам.

К нашей великой радости, рюкзачок лежал в салоне автобуса. Заодно прихватили детское сиденье – бустер, которое оказывается было в автобусе, но на него почему-то не посадили малолетнего пассажира.

Оставив Светика с вещами, подошла к полицейскому и спросила разрешения уехать. Тот разрешил без возражений, наскоро переписав мои данные и записав в протокол, что я сидела задом к водителю и столкновения не видела, а когда пришла в себя, автобус уже был внизу у насыпи.

Взяв Светика за руку, поднялась по насыпи на шоссе и стала голосовать. Машину удалось поймать сразу. Семейная

пара, направляющаяся в Финляндию на белой «ЛАДА-Калина», с радостью согласилась перевести нас через границу и доставить к месту назначения, благо магазин «Лапландия» известен всем.

– Большая авария? – спросил мужчина-водитель, когда помогал нам усесться в салоне. – Смотрю, несколько скорых.

– Да, есть пострадавшие и много погибших. Я с ребёнком, поэтому хочу побыстрее его увезти.

– Да, зрелище ужасное, – тяжело вздохнула женщина. – Вам обязательно в Финляндию ехать, может, вас отвезти домой?

– Нет! – неожиданно для всех воскликнул Светик. – Нам обязательно нужно в Финляндию – меня там папа ждёт!

– Ну раз папа ждёт – довезём вас, куда скажете! – весело ответил водитель.

Светика с бустером пристегнули на заднем сиденье, я удобно разместилась рядом и обняла его. Мальчик, прижавшись к моему плечу, через некоторое время уснул.

Через сорок минут показался Сайменский канал, и тут до меня дошёл ужас ситуации: на границе нужно предъявлять документы и доверенность на сопровождение ребёнка, а у меня их нет. Я вынула папку-уголок с документами Светика и принялась рассматривать. Вот его паспорт, выданный пять лет назад. В паспорте несколько финских виз, последняя датирована этим годом. Интересно, а тёте Лиде мать мальчика говорила, что нет денег на оформление визы.

Впрочем, какая теперь разница. Вот доверенность, выданная Сергеевой Лидии Максимовне, на сопровождение Ингермана Светослава Похьюосетвалота Халловича в Финляндию. Да... Нужно мне было взять паспорт Лидии, может, удалось бы... Чушь!

Вынула свидетельство о рождении. Так, Ингерман Светослав Похьюосетвалот Халлович. Повезло парню с именем, усмехнулась про себя, такое нагромождение финских и русских слов! Родился 01.06.2010. Надо же – через пять дней Светику исполняется шесть лет! Так, родители... Отец Ингерман Халла – гражданин Финляндии. Мать Морозова Марина Викторовна – гражданка России.

В голове фейерверк. Морозова Марина Викторовна – это я! Мать Светика моя полная тёзка! Такое бывает?! Оказывается, бывает и в самый нужный момент! Вопрос перевоза ребёнка через границу решился сам собой! Российский паспорт я могу не предъявлять, а в загранпаспорт детей не вписывают.

На пограничном пункте передала в окошко паспорт Светика, свидетельство о его рождении и свой паспорт. Молодая женщина-пограничник, взглянув на документы, приветливо улыбнулась и спросила:

– Светослав, с кем ты едешь?

У меня замерло сердце. Я не была готова, что на границе детям могут задавать такие вопросы.

– С мамой, – спокойно ответил Светик и взглянул на меня

своими огромными тёмно-серыми глазами.

Я кивнула и радостно улыбнулась.

Женщина-пограничник поставила печати в наши паспорта.

На финской границе вопросов вообще не задавали.

Проехав пропускной пункт на финской территории, мы все обратили внимание на колоритную группу, стоящую на обочине возле чёрного гелендвагена: двое высоких мужчин в кожаных куртках и с длинными волосами, заплетёнными в толстые косы. Про себя усмехнулась, отмечая, что привычный для русского взгляда женский аксессуар – коса, несколько не умалял брутальности этих парней.

– Мужики с косами, – засмеялась жена водителя, – эти финны такие оригиналы!

– Тачка крутая, – отметил водитель, – наверное, рокеры кого-то встречают.

Парни действительно пристально вглядывались в проезжающие машины, по нашей лишь скользнули взглядом, не удостоив вниманием.

Добрые люди высадили нас у магазина «Лапландия». Мы со Светиком пошли в кафе при магазине, где, как говорила тётя Лида, назначена встреча с отцом мальчика.

Поскольку был будний день, людей в кафе при магазине «Лапландия» практически не было. Практически, потому что один из столиков занимала семья с двумя детьми. Никаких одиноких мужчин или мужчин, проявивших интерес к нашему появлению, в кафе не было.

Мы со Светиком съели по тарелке вкусной финской ухи и выпили вкусного местного кофе.

– Ты узнаешь папу?

– Да. Я был уже здесь. – Он утвердительно кивнул, продолжая втягивать кофе.

В кафе периодически появлялись редкие заезжие российские покупатели, но никого, кто бы был похож на отца мальчика.

– Может, у тебя есть номер телефона папы? – через час сидения озарило меня.

– Да.

– Так давай ему позвоним!

– У меня же сел аккумулятор ещё в автобусе.

– Всё равно давай, у меня есть зарядка, попробуем зарядить.

Мальчик полез в рюкзачок за гаджетом, и выяснилось, что там телефона нет. Мы вытряхнули из рюкзака на стол всё, что там было: книжка, три игрушки, умывальные принад-

лежности, в отдельном пакете немного белья и носочков. Телефона не было.

– Он, наверное, потерялся при аварии, – печально произнёс Светик.

– Давай еще подождём. – Я совершенно не понимала, что мне делать в этой ситуации.

Приходили на ум слова Светика об опасениях тёти Лиды, что здесь их могут не встретить. Я вспомнила её бормотание: «А там нас встретят, обязательно встретят...» Как же была права старушка в своих сомнениях. Видимо не придали ей уверенности слова матери-вертихвостки, брошенные на прощанье: «Не волнуйтесь, вас там уже ждут!»

В этот момент на глаза попался телевизор, висящий над кассой. Передавали новости. На экране мелькали картинки: фура с вывернутой кабиной, покореженный микроавтобус внизу под дорожной насыпью, носилки с телами в чёрных пакетах. Ой, это же новости про нашу аварию! Непроизвольно я подошла ближе к телевизору, Светик подбежал за мной. Диктор что-то быстро говорил на финском. На бегущей строке мелькала цифра 3. Я спросила у кассира:

– Что говорят? Какая-то авария?

– Да, – ответил кассир по-русски, – в России перевернулся автобус с туристами, ехавшими сюда, в автобусе было три гражданина Финляндии, они погибли. Несколько пассажиров сейчас в тяжелом состоянии. Не всех удалось опознать. Эту новость крутят уже часа три, – добавил парень.

Светик заглянул мне в глаза.

– Папа подумал, что я погиб? – быстро увела его подальше от кассира.

– Нет, ерунда, – произнесла как можно уверенней, – наверное, он просто подумал, что всех живых отправили домой и ты не приехал в Финляндию.

У меня неприятно похолодело под ложечкой. Для малыша я могла сейчас придумать все что угодно, но как быть на самом деле? Где мне искать отца ребенка? А может, вернуться в Россию? Россия не вариант, потому что обе свои квартиры я сдала и мне возвращаться некуда. Мать мальчика, скорее всего, нашему возвращению не обрадуется, да я и не знаю, где ее искать.

– Так, давай сделаем вот что. Сейчас закупим продукты и поедem ко мне. Я же сняла тут маленький домик. А оттуда я позвоню твоей маме, она свяжется с папой, и он заберёт тебя, но уже из моего дома. Хорошо?

Светик кивнул, но, судя по тому, как низко он опустил голову и старался спрятать глаза, он тоже вспомнил страхи тётки Лиды.

– За покупками! – жизнерадостно вскрикнула и взяла мальчика за руку. – Что ты любишь из финских продуктов, то и возьмем!

– Йогурт и хлопья.

– Отлично! Где у них тут йогурт и хлопья?

Через час мы снова вернулись в кафе, но теперь уже с пол-

ной тележкой продуктов. Я решила выпить чашечку кофе, а заодно узнать у кассира, как мне добраться до своего сайменского коттеджа.

Взяла кофе, стала расплачиваться и только хотела задать кассиру вопрос о моем дальнейшем перемещении, как в зале появился мужчина. Он оглядел зал, задержался взглядом на мне и Светике. Я поспешила за наш столик.

Мужчина подошел к нам робкой походкой. Неужели это и есть отец Светика? Да уж, не таким я его представляла... Плешивый, длинноносый, глаза навывкате, волосы собраны в какой-то нелепый хвостик.

– Простите, Вы Марина?

Я кивнула, он подсел к нам за столик.

– Вы к господину Ингерману?

Я снова кивнула. На лице промелькнула радость, но мужчина почему-то сразу подавил её. Тем не менее, ко мне он обратился с улыбкой:

– Я очень рад, что мне выпала честь встретить вас здесь! Сегодня с утра крутят новость про аварию, и господин Ингерман направил людей в Россию, а я вот, можно сказать, по своей инициативе решил всё же проверить здесь. Меня зовут Грегор. Я знаете, из России, но уже очень давно перебрался в Финляндию. Я сейчас свяжусь с господином Ингерманом и обрадую его.

Грегор, очевидно, набрал контакт Ингермана, но из трубки громко прозвучал звук отсутствия связи. Грегор поднял-

ся и ещё раз набрал номер. Он поспешил выйти из кафе, но звук, информирующий об отсутствии связи, я всё равно услышала.

Грегор отсутствовал несколько минут.

– Ты его знаешь? – спросила я у Светика. Он отрицательно замотал головой.

Грегор возвратился озадаченный:

– Не поверите, позвонил Ингерману и нескольким его людям, никто не берет трубки. Точнее, все вне зоны доступа, – произнес он задумчиво. – Возможно, я не знаю их телефона для постоянной связи, у них же у всех по несколько номеров. Не знаю, что вам предложить. Конечно, я должен отвезти вас к Ингерману, но не понимаю куда. Если в его офис, то там тоже не взяли трубку. Можно отвезти к нему в поместье, но это достаточно далеко отсюда, и мы можем приехать, а там никого нет.

– Я сняла для себя коттедж на берегу Саймы. Может, вы нас туда отвезёте?

Заметила его взгляд на часы над кассой, показывающие четыре часа по местному времени.

– Пока доедем до коттеджа, будет часов восемь-девять... – Грегору идея везти нас такую даль явно не улыбалась, и он не спешил ее поддерживать. – Мне же ещё потом назад ехать... – вяло отказался мужчина.

– Давайте тогда вы нас оставите в каком-нибудь отеле в Иматре. Я возьму у Вас номер телефона Ингермана и буду

дозваниваться.

– А разве у Вас нет его номера? – спросил Грегор и пронызывающе посмотрел на меня.

Чёрт! Вот так проваливаются разведчики!

– Мы потеряли мой телефон в аварии, – монотонно сообщил Светик, неожиданно придя на помощь.

– Да, – сразу подхватила я, – такой ужас, такая неразбериха. Оттуда хотелось побыстрее уехать! Хорошо, что нас подвезли сюда люди, которые проезжали мимо. И только здесь я поняла, что осталась без связи с Ингерманом, а на память его длинный финский номер не помню.

Наше двойное объяснение убедило Грегора, но нужно быть осторожней.

– У меня другое предложение. Я живу здесь недалеко, буквально несколько километров. Сейчас отвезу вас к себе, а сам съезжу в офис компании и оставляю там записку. Не может такого быть, чтобы в офисе никого не было. Наверняка секретарша слиняла, потому что шеф с помощниками уехали, но рабочие должны быть на месте.

Меня это убедило. Мы взяли сумки и направились к машине Грегора.

Глядя на его машину – выдавший виды Фольксваген Пассат, мне стала понятна причина нежелания Грегора ехать куда-то дальше Иматры.

Тем не менее, старичок Фольксваген достаточно быстро домчал нас до дома Грегора. Действительно, недалеко:

несколько километров по шоссе в сторону Иматры, поворот, затем еще один, пять минут и вот мы свернули перед покосившимся почтовым ящиком и остановились во дворе двухэтажного дома, крашенного темно-бордовой краской.

Грегор проводил нас в дом, помог мне донести мою объемную сумку.

– Размещайтесь, надеюсь, завтра господин Ингерман появится здесь собственной персоной. Меня не ждите, закройте на замок. – Он показал, где лежат ключи от дома. – Если вернусь, то ключи у меня есть. Я вернусь в зависимости от результатов, если найду его, то приедем вместе. Если не застану Ингермана, то дождусь утра и еще раз схожу к нему в офис, тогда мне удобней остаться в городе.

Телефон Ингермана он записал мне на листочек, к себе в гаджет занес мой номер. На этом Грегор с нами распрощался.

Пользуясь тем, что время было не позднее, а погода стояла тёплая, мы со Светиком пошли обследовать окрестности. Точнее, спустились с высокого крыльца и обошли дом вокруг. На заднем дворе, к моему великому удивлению, мы обнаружили детскую площадку: качели, лестницу, совмещенную с песочницей, и даже батут под навесом. В песочнице нашли ведёрко с лопатками и формочками, правда, изрядно выгоревшие. Вероятно, у Грегора есть внуки, которые сюда приезжают, решила я.

Светик с увлечением принялся копать в песочнице, а я

оглядела местность.

Дом стоял на пригорке весьма уединенно. Во всяком случае, ближайшие дома виднелись только в направлении дороги, откуда мы приехали. Дом Грегора возвышался над полями, которые тянулись почти до горизонта и упирались в сосновый лес с валунами. Да уж... Если этот Грегор маньяк и завез нас сюда с каким-то умыслом, то кричи – не кричи, никто не услышит, и не добежать до ближайшего дома.

Я тотчас отогнала эту мысль. Финны исторически живут хуторами, а историй о страшных финских маньяках, в отличие от американских, нет.

Я присоединилась к Светику, и мы вместе делали песочные куличи, прыгали на батуте, а я отправляла его на Марс с помощью качели. Набесились вдоволь! Хорошо, что у меня были хлопья и йогурт, не пришлось готовить. Светик так угулялся, что начал клевать носом над тарелкой. Тут даже такая далекая от материнства женщина как я сообразила, что ребенка нужно быстро вести в ванну и укладывать спать.

После ванны малыш попросил почитать.

– Вот. – Он протянул мне книжку из своего рюкзака. – Бабушка мне начала её читать и не закончила. Здесь есть закладка, где мы остановились.

Я взяла книгу, на обложке которой было написано «Всё о муми-троллях. Волшебная зима». Открыла книжку на закладке. Глава называлась «Лютая стужа». В ней Муми-тролль и его друзья готовятся к приходу Ледяной девы.

Малышам холодно и страшно в морозной ночи. Согревает их то, что они вместе, и маленькая печурка.

Светик распереживался из-за героев и прижался ко мне. Я обняла его рукой, продолжая читать: «Ледяная дева склонила своё прекрасное лицо над бельчонок и рассеянно щекотала его за ушком. Он как зачарованный смотрел на нее, прямо в ее холодные голубые глаза. Улыбнувшись, Ледяная дева пошла дальше.

А на снегу, задрав мордочку, остался лежать оцепеневший и холодный глупенький бельчонок».

– Мама, бельчонок умер? – Малыш поднял на меня глазёнки полные слёз.

А у меня губа задрожала от того, что меня называли мамой, так легко и непринужденно.

– Нет, что ты. Наверняка он просто упал в обморок от восхищения.

Начинаю быстро читать дальше, и действительно, Туу-тикки надвинула шапочку на уши и вышла на улицу за бельчонок, принесла его в дом, а мышки-невидимки стали отогревать его горячими полотенцами. На этом я остановилась, хотя по сюжету дальше вопрос о выживании бельчонка был неочевиден.

– Хорошо, что бельчонок выжил, правда, мама? – Светик так произнёс это «мама», как будто пробовал слово на вкус.

– Конечно, хорошо. Просто замечательно. – Я поцеловала его в макушку. – Надеюсь, для бельчонка это будет наукой,

и он больше не будет бегать по лесу в сильные морозы.

Взглянула на Светика, а он уже сладко сопит. Обняла малыша, зарылась носом в ароматную макушку. Надо же, так неожиданно я стала мамой... Мамой, а не Ледяной девой! У меня есть свой собственный Муми-тролль. Пусть на одну ночь, но такой свой, такой ароматный и... уже любимый.

Завтра будет завтра! Завтра приедет его отец, и всё встанет на свои места.

Проснувшись утром – солнце светит в окна. Как была в ночной рубашке, выскочила на улицу. И обалдела! Вместо высокого крыльца дома Грегора я оказалась прямо на утрамбованной перед входом земле.

Встряхнула головой, поморгала глазами, обернулась взглянуть на дом, а обнаружила, что вышла я из заросшей травой землянки высотой в мой рост.

В ужасе я бросилась в дом. В доме все по-старому. Заглянула в спальню: Светик спит, отвернувшись лицом к стенке.

Быстро переоделась, умылась. Вышла на кухню, сделала себе завтрак и уселась за стол перед широким окном. За окном вчерашний пейзаж: поле до горизонта, на горизонте сосновый лес с валунами.

На кухне обнаружился телевизор, включила пультом, попала на какую-то передачу на финском языке. Попереключала каналы – всё как обычно: новости, музыкальные передачи, фильмы на английском языке с субтитрами.

Почувствовала облегчение. Потрогала шишку на затылке. Шишка болит, вчера про лёд на ночь я совершенно забыла. Интересно, шишка может вызывать галлюцинации?.. Думаю, что такая, как моя, может. Иначе как я ни с того ни с сего оказалась на полянке у землянки?

Из коридора слышалось шлепанье босых ножек.

– Светик, я на кухне! – окрикнула, чтобы не испугался, что один в доме.

В кухню зашёл заспанный ребенок и сразу забрался ко мне на колени, удовлетворяя потребность в обнимашках.

– Что будешь кушать? Хлопья с йогуртом?

Светик кивнул.

– Я проснулся, а тебя нет, – прижался ко мне ещё крепче.

– А кругом все незнакомое, – закончила я его мысль. – Я на улицу выходила. Представляешь, а там совсем другая местность, двора нет. Какая-то землянка, заросшая травой. Бр-р.

Светик посмотрел на меня с удивлением и... с испугом?

– Нас перевезли, пока мы спали?

Ну вот, хотела ободрить малыша, а получилась ерунда.

– Вроде нет. Смотри, за окном тот же пейзаж, что и вчера. А из спальни видна детская площадка, на которой мы вчера играли. Иди, умывайся!

– Мам, ты так пошутила! – засмеялся Светик и побежал в ванну.

После того как Светик позавтракал, мы предприняли еще одну попытку выйти на крыльцо.

Я снова повернула круглую ручку двери, и мы оказались на полянке рядом с землянкой.

– Ты это видишь? – спросила я Светика. – Скажи, что ты видишь?

– Мы на полянке. Травка. Там еще какой-то домик, – Све-

тик показал пальчиком направо.

Этот «домик» я тоже видела, только это был не домик, а скорее полуразвалившийся сарай или амбар.

– Стой здесь, – велела я мальчику. – Если что – сразу в дом.

Я пошла по направлению к этому сооружению. Не успела сделать нескольких шагов, как из сарая вышла дряхлая горбатая старушка, одетая в длинное льняное платье и передник. Старушка торопливо, насколько ей позволял возраст, бросилась ко мне, трясая головой с распущенными седыми волосами. Волосы, перехваченные платком, концы которого обернуты вокруг головы и завязаны впереди кокетливым узелком, развевались на ветру. Картинка не для слабонервных!

– Матушка! – всплеснула старушка руками и плюхнулась передо мной на колени. – Дождалась!

– Кто ты? – произнесла я глубоким грудным голосом. Откуда этот голос и надменная интонация? О боже, из меня...

– Наина, матушка, слуга твоя верная. Жду тебя уже давно. Всё готово!

В голове всплыли строчки:

«Одна, красавица молодая

На берегу плела венок.

Меня влекла моя судьбина...

Ах, витязь, то была Наина»!

Кстати, по-Пушкину, Наина была финкой и, кажется, по-

том стала старой, горбатой и некрасивой. Все эти знания промелькнули в голове в фоновом режиме, а над полянкой продолжал звучать властный голос:

– Хорошо! Можешь подняться. – Снова вещала я.

Я? Да я в самых диких и злых фантазиях не умела так говорить с самыми вредными бабками.

– Матушка, какие дела привели к нам? Что велишь мне выполнить? – Старушка резво поднялась, несмотря на горб, и предано заглянула мне в глаза.

– Грегор меня привёл, сказал, что он друг Ингерману. Это так? – произнёс мой рот, пока я пребывала в недоумении.

Старушка всплеснула руками.

– С каких это пор Грегор стал другом Ингерману? Ингерман же его наказал и, как меня, на верёвке держит. Только он дальше мили передвигаться не может.

– Значит, соврал, – сделала я вывод, чеканя слова. – Мне нужно попасть к Ингерману.

– Матушка, как скажешь! Все расскажу, все покажу, как идти, но ты же помнишь, что дальше полумили³ мне отходить от землянки нельзя? А к Ингерману идти – трёх дней мало.

– Тогда с тебя обеспечение и проводник!

– Да-да!

Старушка суетливо посеменила в землянку и открыла

³ Полумилиа – старинная мера длины у финнов, равнялась примерно пяти километрам.

дверь. Меня даже не удивило, что внутри была именно землянка: деревянный каркас, низкий потолок, земляной пол, печь, напоминающая русскую и занимающая половину помещения, балки и стены увешаны пучками трав. Классическое жилище ведьмы.

Я вошла следом за ней, наклоняясь, чтобы не задеть балки. Старушка была уже возле огромного сундука и вынимала из него одежду.

– Вот, матушка, это тебе в пору будет. – Она протянула мне светлое домотканое платье из серого сукна и передник. По подолу одежда была украшена вышивкой в виде голубых зубчиков. – Вот ещё на голову. – Мне протянули отрезок ткани, который можно было отдаленно счесть платком. – Обувь. – Из сундука были извлечены сапоги из тонкой кожи. – Для тепла. – Старушка вынула плащ-накидку. – Вот, матушка, не побрезгуй!

Я не побрезговала, забрала все вещи и произнесла:

– Еще одежду на мальчика шести-семи лет.

Старушка посмотрела на меня задумчиво, пожевала губами.

– У меня нет, но я сейчас пойду за проводником, в деревне раздобуду.

Старушка быстро вышла на улицу, я неспешно последовала за ней, прикрыв дверь землянки.

– Матушка, ты пока располагайся, отдыхай. Я за час обернусь, – сказала старушка, взяла посох высотой с себя и бод-

ренько пошагала по чуть заметной тропке.

Я повернулась к землянке, потянула дверь на себя и оказалась в доме Грегора. Светик сидел на кухне и смотрел телевизор.

– Мам, Баба-Яга ушла? – спросил он.

– Баба-Яга? Она не Баба-Яга, это Наина. Она нам поможет. Нам нужно уходить отсюда, пока Грегор не вернулся. Оказывается, он не друг Ингерману.

Переоделась в одежду от Наины. Платье и передник сели, как по мне шитые. Посмотрелась в зеркало – хоть сейчас на поляну к реконструкторам.

Придирчиво осматрела сапожки. Верх – мягкая кожа, почти лайка, подошва – какой-то жесткий материал, возможно, тоже кожа, но с очень толстокожего зверя и особой выделки. Шились не на мою ногу. Всё-таки при моём росте метр семьдесят размер ноги у меня соответствующий – сороковой. Помещусь ли я в это чудо средневекового сапожника?

Зря волновалась, сапожок пришелся точно по ноге, а сел так, как будто я его носила уже несколько лет.

В этот момент раздался стук в дверь. На пороге Наина. Вышла к ней, плотно прикрыв дверь, интуитивно понимая, что её в дом Грегора впускать нельзя.

– Вот, матушка, одежду на ребятёнка собрали, но не взыщи, одежда деревенская. – Наина протянула мне узелок. Забрала узелок и вернулась в дом.

Переодела Светика. Да уж, одежда действительно дере-

венская: широкая рубаша, одеваемая через голову, штанишки на одной помочи через плечо, лапти, курточка из грубой холстины, а на голову суконный колпачок.

В последний момент догадалась документы, деньги двадцать первого века, гаджеты завернуть в пакет и спрятать в стенной шкаф в прихожей под обувную полку в самый дальний угол.

Всё, готовы! Повернула ручку двери и мы на полянке у землянки.

Наина оглядела на нас придирчивым взглядом:

– Матушка, вот с таким здесь не ходят. – Она показала скрюченным пальцем на мой кофр и рюкзачок Светика.

– Там нужные вещи, – возразила я.

Наина пожевала губами и ушла в свой сарай, возвратившись оттуда с двумя мешками. По пути мешки стряхнула, выбивая пыль. В мешок побольше засунули мою сумку. В мешок поменьше – рюкзачок Светика. Оба мешка старушка лихо перевязала веревками за углы и горловину, создавая примитивный рюкзак.

Навьючили на себя подобие рюкзаков. Напоследок Наина завязала мне голову платком.

– Без платка, матушка, не ходи, сразу ведьмой объявят. В глаза мужикам не смотри.

– Ведьмой объявят?

– Объявят. И вообще, вам бы пройти тайными тропами, но я не могу уходить далеко, а проводник – мальчик совсем,

он не знает. Он вас доведет до замка Брюха. От замка Брюха доберешься до городка Тиль. От городка Тиль ходят обо-
зы. В земли Ингермана лучше идти не одной. Путь неда-
лекий, всего два дня, но там всякие разбойники шатаются.
Волки-оборотни опять же любят женщин к себе утаскивать.
Помни, матушка, ты просто баба, идёшь из села к мужу, ко-
торый в землях Ингермана работает. Старайся не говорить,
речь у тебя чудная, неместная.

– Примут за ведьму?

– Даже не знаю, что лучше: примут за ведьму или за чу-
жестранку. Если за ведьму, то могут побояться трогать, а чу-
жестранку захотят ограбить. Ой, совсем забыла! – Старушка
протянула кошель с деньгами. – Тут немного, но за постой и
проход с обозом заплатить хватит. И торопись! Вижу, маль-
чишка твой обернуться хочет. Дня два-три ещё продержит-
ся. Матушка, ты помнишь, что люди не должны видеть об-
ращения?

– Здесь они этого боятся?

– Люди всегда всего боятся, а того, кто их особенно пуга-
ет, убивают.

Старушка проводила нас до валуна, который закрывал
тропинку со стороны леса. За валуном нас поджидал дере-
венский паренёк.

– Ерхо, – обратилась Наина к парню, – делаешь всё так,
как я тебе сказала, и проследи, чтобы они ушли в Тиль.

Парень поклонился старушке и пошёл вперёд, мы после-

довали за ним.

Несколько часов без остановок мы бодро шагали за Ерхо. Я боялась двух вещей: мозолей на ногах от сапог и что Светик от усталости будет капризничать. Но мозоли не появились, а Светик шёл молча всю дорогу до привала. Крепкие веревки, заменившие моему мешку лямки, впились в плечи. Наверняка к вечеру будут синяки. Неприятно.

Судя по солнцу, было уже далеко за полдень, когда Ерхо сошёл с тропинки и предложил отдохнуть и перекусить.

Я печально посмотрела на него:

– А у нас ничего нет. Я не знала, что нам придётся кушать в пути, а Наина ничего не дала...

– Не страшно! Матушка мне кое-что собрала в дорогу. – Он быстро вынул из заплечного мешка узелок с едой и разложил на траве тряпицу. На неё выложил домашний хлеб и кусочки вяленой рыбы. – В замке у Брюха можно купить еду и крынки для воды. Я помогу.

После обеда мы продолжили путь.

– Уже немного осталось, в замке отдохнете. – Подбадривал нас Ерхо. – Всё равно сегодня вы уже дальше не пойдёте.

До замка дошли примерно через два часа. Светик по-прежнему держался молодцом: ни стона, ни вздоха. Даже на мешок не жаловался. Удивительный ребенок!

– Завтра, как выйдете из ворот, так этой дороги и держитесь. – Ерхо показал на дорогу, выходящую из ворот замка. – Идти будете долго, но по этой дороге как раз в Тиль и придёте.

Замок оказался тесным и полуразрушенным, но на воротах стояли стражники, которые пропустили нас без всяких вопросов, вяло проводив взглядом наши заплечные мешки.

Стражник что-то спросил у Ерхо.

– Мы на одну ночь, завтра уйдем. Муж ейный в землях возле Тиля работает. Завтра хотим добратсья.

– Тогда у Иикка вставайте, он на одну ночь берет.

Ерхо кивнул и уверенно зашагал в замок, мы за ним. Я, как обещала Наине, смотрела в землю.

Постоялый двор Иикка оказался недалеко от ворот. К моей радости, за стойкой стояла женщина моих лет, мы договорились с ней о ночлеге и еде. Правда, постоялый двор не предполагал отдельных комнат – общий зал с камином и столами посредине. Постояльцев было немного, и мы заняли две лавки в углу рядом с входом, чтобы утром уйти, не привлекая внимания.

Оставив вещи, отправились на торговую площадь, где стояли несколько торговых прилавков. Ассортимент продуктов был небольшой, а качество вызывало сомнение. Выбор остановили на продуктах, показавшихся наиболее свежими: двух ковригах ржаного хлеба и куске густо посоленного сала. Увы, крупы у этих торговцев не было. Зато Ерхо сторговал у про-

давца копчёного мяса глиняный сосуд для воды, напоминающий бутылку.

Когда с покупками вернулись на постоянный двор, я сразу заметила, что наши со Светиком мешки открывали.

– Ерхо, здесь воруют? В наши мешки кто-то лазил.

– Плохо. Значит, стражники мне не поверили. Предлагаю уйти прямо сейчас. В лесу сухо, лучше там переночуем, а я вас завтра проведу прямо до Тиля, – сказал Ерхо мне на ухо.

Мы быстро схватили мешки, но не успели. В дверях возникли двое стражников, а затем в зал вошёл, вернее, вошло Брюхо. Без представления было понятно, что живот на ножках – это именно он.

– Уже уходите? – спросил вошедший человечек фальцетом, приторно улыбаясь. – Госпожа, милости прошу ко мне в гости. Такая почтенная дама непременно должна меня навестить.

Я посмотрела на Ерхо, а он старался быть как можно незаметней.

– Давайте мы мирно разойдемся, – предложила я.

– Конечно, мирно. В моем замке с дамами всегда обращаются мирно, если они не поднимают шума.

Человечек сделал движением головой в сторону стражников, они схватили наши мешки, а сам пошел вперед, я за ним, взяв Светика за руку.

– Этого тоже забираем, – сказал человечек, указав толстым пальчиком на Ерхо.

Территория замка небольшая, поэтому от постоянного двора до донжона нас доставили за считанные минуты.

Как только вошли в крепость, Ерхо и Светика от меня отделили, но я ловким движением успела перехватить мальчика и заявила, что без него разговаривать не буду. Брюхо кивнул стражникам, и они отпустили ребёнка ко мне.

Ерхо увели куда-то дальше по коридору, мне велели следовать за Брюхом. Несколько раз свернув по коридору, освещенному светом факелов, мы вошли в просторный зал с огромным обеденным столом и камином.

Брюхо, быстро семеня ножками, подбежал к креслу во главе стола, уселся, тяжело дыша, и сделал знак стражникам покинуть помещение.

– Итак, я внимательно Вас слушаю. Что заставило Вас посетить наши края? – Он подпер толстую обвисшую щеку кулачком и изобразил полное внимание.

– Мы идём в Тиль. Мой муж там работает.

– Муж? Работает? И кем там работает Ваш муж? – с подчеркнутой вежливостью спросил Брюхо.

– Он конюх, – ляпнула я первую профессию, которую знала в средневековье.

– Хорошо. Конюх. А это что? – Брюхо пододвинул в мою сторону какую-то книгу.

Я подошла ближе к столу и с удивлением увидела книжку Светика «Всё о муми-троллях. Волшебная зима».

– Откуда это у вас?

– Из Вашего, госпожа, мешка, – ответил толстяк, совершенно не смущаясь. – Вы не отрицаете, что это ваша вещь?

– Отрицаю. Я не знаю, что это. Мне это подкинули.

Толстяк слегка подвис, но быстро справился:

– Подойди сюда, мальчик, – велел он Светику. – Ты знаешь, что это такое?

Светик подошёл, внимательно посмотрел на книжку и сказал:

– Не знаю.

Хозяин замка взбесился и вызвал стражу.

– Где их мешки? Принесите сюда, живо!

Стражники внесли и бросили на пол мой большой мешок и маленький мешок Светика.

– Это ваши мешки? – спросил Брюхо.

– Похожи на наши, – ответила я.

– Что в них?

– Мы идём к мужу, поэтому я взяла самое необходимое себе и ребёнку, в основном одежду.

– Откройте! – приказал хозяин замка.

Стражники стали развязывать мешки. У меня замерло сердце: сейчас вывалят мою сумку двадцать первого века и рюкзачок Светика.

Но на пол выпало старое тряпье.

Чёрт! Похоже, нас всё-таки ограбили на постоялом дворе, пока доносчики бегали с нашей книжкой к хозяину замка. Сердце ёкнуло от радости. Первый раз Вселенная видела че-

ловека, который обрадовался, что его обворовали.

– Это что? – в недоумении спросил Брюхо.

– Наши вещи. Мы люди небогатые, самое лучшее платье на мне, другого нет. Всё остальное ношеное – переносное.

– Собирай! – крикнул Брюхо мне. – До утра посидишь в темнице, а там я придумаю, что с тобой делать! Ты думаешь, самая хитрая? Не таких разговаривать заставляли! Меня не зря конунг здесь держит. Я не пропущу всяких русских шпионов! Муж у неё конюх! А говорит, как не всякая знатная дама из замка говорить умеет!

– Ты не злился, – сказала я, изобразив милую улыбку и закидывая барахло по мешкам, – будешь злиться – удар хватит. Вообще говорить не сможешь. И ешь поменьше, а то живот разорвётся.

– Ты мне угрожаешь?! Так, ты ещё и ведьма! В темницу её, немедленно! – закричал Брюхо, переходя на визг.

Стражники схватили меня с мешками и потащили к выходу. Брюхо вскочил из-за стола и зачем-то побежал к двери. В это момент Светик, оставшийся без внимания взрослых, схватил книжку со стола и засунул к себе под рубашку. Какой-то усердный стражник подхватил и его. Через несколько минут мы были брошены в тёмное помещение, дверь за нами с грохотом захлопнулась.

Нас окутала темнота, сырость и сильная вонь. Добро пожаловать в средневековую темницу...

– Сядь на мешок и никуда не двигайся, я сейчас обследую

помещение. Эх, как жалко, что украли мою сумку, у меня там была зажигалка.

– А у меня был фонарик, – вздохнул Светик.

Я стала на ощупь двигаться вдоль стены и уткнулась во что-то мягкое и вонючее. Исследовать на ощупь не стала, вернулась к мешкам и Светику. Нужно достать тряпье из мешка и разместиться на нем.

Запустила руку в свой мешок и упёрлась в кожаный бок моей сумки! Я взвизгнула от восторга.

– Светик, это какое-то чудо! Моя сумка на месте!

Вынула кофр из мешка и стала рыться в поисках зажигалки. В это время Светик достал из своего мешка рюкзак и вытащил фонарик, осветив им нашу тюрьму.

Да, местечко гнусное. В углу, до которого я доползла, гнила куча соломы. В противоположном углу дырка в полу, очевидно, туалет. Подошли к соломе, в принципе, если постелить плащ, то вполне можно переночевать, а завтра нас всё равно куда-нибудь отправят.

Расстелила плащ на соломе. Мешки разместила под голову – получилось даже уютно. Продукты, которые мы закупили на рынке, тоже обнаружили в мешке, но этому я уже не удивилась. Этому могло быть объяснение. Например, стражник, чтобы не тащить несколько моих мешков сложил всё в один. Но все равно в зале у Брюха наши вещи были тряпками, этому я объяснения найти не могла.

Хотя о чём это я? Я сейчас в средневековой тюрьме – это-

му я могу найти объяснение? О, кстати, шишка на голове! Потрогала. Шишка на месте и болит. Это все объясняет – галлюцинация и видения, и вообще, это сон!

Не соглашаясь с таким выводом, мой живот громко заурчал, напоминая о том, что ели мы давно. Постаралась абстрагироваться от реальности и навертела бутерброды из черного хлеба с кусочками сала.

– Мама, мы с тобой попали в какую-то сказку. Как волшебство – то есть вещи, то нет. — Уплетая бутерброд, произнес Светик.

– Точно! Может, мы вообще спим, и нам это снится.

– А так бывает, чтобы люди вместе попадали в один сон?

– Когда проснемся – узнаем.

Завершив скромный ужин, я сложила продукты в мешок и убрала себе под голову. Светик бережно убрал свою книжку в рюкзачок. Завернулись с ребенком в мой плащ и даже заснули.

Но спать долго нам не дали. Среди ночи дверь распахнулась, и нас осветили фонарем со свечой внутри.

– Эй, ведьма, вставай! И отродье своё бери. Идём, натворила дел, теперь исправляй!

На пороге с фонарем стоял стражник, но говорил недовольный женский голос. Я поднялась. Светик вскочил, опять не издавая ни звука. Я подхватила оба мешка, Светик мой плащ, и мы пошли за стражником и женщиной, которую разглядеть не удалось.

Снова плутание по коридорам, и мы вошли в комнату-спальню, посреди которой на кровати лежал Брюхо и задышался в страшных корчах.

– Зачем вы её привели? – завизжал он, увидев меня. – Это ты меня сглазила! Ты меня прокляла! Мой живот! О-о, он разрывается... – Его крики на меня перешли в жалобный стон.

Я поставила мешок возле кровати и подошла к страдальцу.

– Что ел на ужин?

Страдалец сжал зубы и яростно выпучил глаза, за него ответила женщина.

– Да как обычно: копченый лосось, свиной бок, кашу, бульон с хлебом.

– Я ничем здесь помочь не могу. Нельзя на ночь так много есть, уже не мальчик.

– Слышите?! Ведьма! Сначала прокляла, а теперь цену набивает. В кандалы её!

К моему большому удивлению, стражники куда-то убежали и вернулись с кандалами.

– Уважаемый, давайте договоримся по-хорошему. Я же никому не хочу зла. Вы понимаете, что всё не в вашу пользу складывается. Можно мы просто утром уйдём.

– Что стоите, заковывайте ее! – взвизгнул Брюхо.

Стражники ловко набросили мне на кисти грубые браслеты и заклинили их каким-то хитрым крючком.

– Ну смотрите, я просила, я предупреждала! – Кто-то ловко впихнул мне в рот свёрнутую тряпку, не давая мне шансов договорить.

Нас со Светиком снова подхватили и потащили в каземат, хорошо, что вместе с мешками.

Уже в дверях я увидела, что Брюхо сильно изменился в лице. Он начал хватать ртом воздух, лицо посинело, а потом он обмяк и вытянулся на кровати.

Второй раз за ночь мы оказались брошенными в темницу. Я даже испытала облегчение и смогла вытащить кляп изо рта.

– Надеюсь, теперь дадут уснуть, – пробурчала я, снова раскладывая плащ на соломе.

Кандалы как-то сразу стали натирать предплечья. Чёрт, как неудобно!

Только мы легли на наше ложе, как в коридоре снова слышался топот. К нам в темницу вбежали несколько стражников, а затем вошёл какой-то человек.

– Неизвестная чужестранка, ты обвиняешься в колдовстве и будешь завтра придана суду и костру.

– Боже, – взмолилась я, – что ещё такого я натворила, находясь в этой камере?!

– Ты прокляла славного рыцаря Аргуса, чем довела его до удара. Он онемел и парализован.

Я поняла, что дело плохо. Оно не просто плохо, а безнадежно плохо. Я вскочила с подстилки и заметалась по каме-

ре, звеня кандалами. По стенам мои движения повторили тени. В свете свечей за стеклами фонарей это, вероятно, смотрелось жутко, потому что стражники одновременно сделали шаг назад к выходу, прячась друг за друга.

Неожиданно для себя я остановилась перед стражниками, обвела всех взглядом и, глядя в глаза их предводителю, с театральным пафосом произнесла, протянув к нему руки в кандалах:

– Оковы тяжкие падут!

Мгновение. Вдох стражников и вдруг крепление браслетов отскочило. Кандалы упали на пол с громким звоном.

Снова дружный вздох и под лязг доспехов стражники сделали несколько шагов назад. Я опять обвела всех взглядом и в повисшей тишине произнесла громким шепотом:

– Темницы рухнут, и свобода нас встретит радостно у входа!

Повисла тишина, которую через миг разорвал гул. Сначала отдаленный и непонятный. Стражники тревожно переглянулись и, отпихивая друг друга, стали выбираться из камеры. Гул усилился, загрохотало, как обвал в горах. Кто-то попробовал закрыть дверь, но обвалилась стена, придавив особенно нерасторопных.

– И братья меч нам отдадут, – непонятно зачем закончила я, выходя из темницы в коридор.

От коридора осталась небольшая часть с дверью нашей камеры и кусочком пола. К стене прижимался стражник, сжи-

мая в руках меч, который он тут же протянул мне.

Я взяла меч за рукоятку, покачала и направила острием в грудь несчастному стражнику.

– Где парень, который меня привёл в замок?

Но в этот момент я уже увидела Ерхо, который выбирался из-за завалов стены соседней камеры.

– Передай своему начальству, чтобы обо мне забыли. Будет хуже. Понял? – произнесла я, по-прежнему держа меч у груди вояки.

Он мелко трясся и кивал головой.

– Пойдем, мой дорогой Ерхо, отсюда. Это очень негостеприимный замок.

Мы выбрались из завалов и направились к воротам. Ерхо забрал у меня меч и уверенно взялся за рукоять. Так мы и пошли по улочкам: Ерхо с мечом в руке впереди, мы со Светиком – прячась за его тощей спиной.

На территории замка полыхали пожары. Бегали какие-то люди. Видимо, гарнизон был плохо организован, и первое потрясение привело к разброду и бунту. Так что наличие меча придавало нам уверенности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.